

Содержание

Часть первая. ХАННА МАККЕМБРИДЖ	3
Часть вторая. ХАННА ВЕРНЕР	161
Часть третья. МАЙКЛ ВЕРНЕР	228
Часть четвертая. ХАННА	370

Когда они свернули на улицу герцога Глостерского, Квинт остановился и повернулся к Ханне.

— Поторопись-ка, барышня. Вон уже таверна «Чаша и рог».

Ханна с отвращением глядела на красное лицо отчима. Сайласа Квинта при всей снисходительности нельзя было назвать привлекательным. У него был огромный, весь в выпирающих венах, нос, как у пьяницы, а злые черные глаза спрятались в мясистых щеках, словно дробинки в сале.

— Ты только посмотри на себя. Грязная, будто в свинарнике валялась. Теперь ты не выглядишь гордой и сильной, девочка моя.

Ханна вздернула подбородок и смерила его злобым взглядом своих зеленых глаз, от которого устыдился бы любой, в ком остались следы хоть каких-то чувств. Она не произнесла ни слова, прекрасно зная, что пререкаться — лишь доставить ему удовольствие.

— Ты неуклюжая и всегда была такой, как корова. В таверне тебе придется быть половчее, барышня, иначе Амос Стритч отхлещет тебя по стройным ножкам.

Квинт воровато посмотрел на Ханну, наслаждаясь ее злобой и беспомощностью.

— Но погоди-ка... — Его обычно тусклые глаза вспыхнули, злобный тонкогубый рот осклабился в сальной улыбочке, которую она в последнее время слишком часто замечала у него на лице. — Вижу, ты порвала платье, барышня. Этим можно воспользоваться. Я всегда говорю: умный человек из всего может извлечь выгоду.

Не успела Ханна сообразить, что у него на уме, как Квинт подскочил к ней и засунул руку с толстыми, как сосиски, пальцами за стоячий воротник ее платья. Она почувствовала, как материя впилась

ей в спину, и услышала звук рвущейся ткани — платье разошлось вместе с сорочкой, почти обнажив правую грудь.

Лицо Квинта сделалось еще краснее, и он облизнул губы, уставившись на мягкую соблазнительную грудь своей падчерицы.

«Она лакомый кусочек, это точно», — подумал он. Его возбуждение напомнило ему о неисполненных плотских вожделениях к девушке. Квинт снова протянул руку и погладил ее нежную кожу, оттягивая порвавшуюся ткань от розового соска, наслаждаясь шелковистостью груди и подрагиванием девичьей плоти от его прикосновения, в то время как она тщетно пыталась отстраниться.

Ханна почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Руки у отчима были грязные, под обломанными ногтями виднелись черные полумесяцы. Но омерзение и отвращение внушала не столько грязь, сколько мысль о том, что она знает, что у него на уме. В течение последних нескольких месяцев, когда ее тело приобрело смущающую глаз округлость, она видела подобное выражение на его лице всякий раз, когда он глядел на нее. Ханна хорошо знала, что означают эти взгляды, хотя она была совсем юной девственницей. Маленькая лачуга, которую она, ее мать и отчим называли домом, не позволяла никому из них хоть ненадолго побыть наедине с собой.

Сайлас Квинт был никудышным добытчиком для Ханны и ее матери. Работал он не больше положенного, в основном продавцом в городских лавках. А остальное время проводил за выпивкой и карточной игрой в любой таверне, где ему открывали кредит.

Поскольку британская корона не разрешала колониям чеканить собственную валюту, наличных денег всегда не хватало, и хозяева лавок частенько отпускали товары в долгосрочный

кредит. Подсчет по итогам года был обычным явлением. Куда чаще рассчитывались бартером, например, складскими расписками за часть годового урожая табака. Но у Сайласа Квинта не было табачной плантации, он даже не владел жалкой лачугой, где жила их семья.

Квинт отпустил грудь Ханны и отступил на шаг назад.

— Может, ты и неуклюжая и работаешь на так усердно, как надобно, но старина Стритч, хоть он и в годах, но по-прежнему охоч до молодых девок. Один взгляд на твою грудь, и штаны у него натянутся, это уж точно, и он не посмотрит, работаящая ты или нет. Так что пошевеливайся, барышня.

Волоча Ханну на веревке, Квинт восторгался своей удачливостью. Он был озадачен тем, что Амос Стритч открыл ему такой выгодный кредит. В своем везении он не сомневался и продолжал его использовать.

Неделю назад он, наконец, получил объяснение, когда Стритч потребовал уплаты долга. Если Квинт не заплатит сейчас же, ему светит долговая тюрьма. Конечно, у Квинта за душой не было ни шиллинга. Стритч предложил другой способ платежа, а именно: они с Квинтом подпишут договор, по которому его падчерица проработает у него пять лет, и тогда не только погасится прежний долг, но и откроется новый кредит в зависимости от того, как хорошо Ханна будет справляться со своей работой.

Квинт ухватился за эту возможность. Для него падчерица была лишним ртом, а в последнее время его одолевали похотливые мысли. Он знал, что однажды ночью залезет Ханне в постель и овладеет ею. Видит бог, что он откладывал это отнюдь не из моральных соображений. Хоть он и был негодяем, однако понимал, что мать девушки пойдет на убийство, если он до нее дотронется. А еще ему не давала по-

кая мысль, что такую милостивую девушку, как Ханна, можно выгодно продать и что покупатель мог бы заплатить за девственницу хорошие деньги. Если же Ханна превратится в порченный товар, то за нее и фартинга не выручишь.

Таверна «Чаша и рог» представляла собой узкое двухэтажное кирпичное здание с островерхой крышей, на втором этаже которого располагались спальные номера, а на первом — таверна. Поскольку час был ранний, в таверне никого не было. У входа с ведром воды и шваброй суетился мальчишка лет двенадцати. При виде волочившего на веревке девушку мужчины у него отвисла челюсть.

Усталыми шагами пройдя за Сайласом Квинтом в провонявшую выпивкой таверну, Ханна почувствовала, что силы покидают ее. В то утро она ничего не поела. В горле у нее пересохло и першило. По крайней мере, в полутемном зале царил спасительная прохлада, обнявшая ее после обжигающего утреннего солнца. Ханна готова была от усталости рухнуть на пол, когда перед ними возникла туша хозяина заведения Амоса Стритча.

Это был крупный мужчина лет пятидесяти без парика на лысой голове и выпиравшим из-под грязной жилетки внушительным животом. Он выпирал так сильно, что Ханна сразу вспомнила беременных женщин. Стритч хромал, припадая на правую ногу.

Он еще сильнее вытаращил свои серые глаза навывкате, увидев полуодетую Ханну.

— Это что такое, Квинт? Она похожа на притащенную с улицы потаскуху!

Несмотря на слова возмущения, Ханна заметила, что взгляд его прикован к ее груди, лишь слегка прикрытой разорванным лифом платья. Квинт стянул с головы засаленную шляпу и поклонился.

— Она очень не хотела сюда идти, сквайр. Пришлось тащить ее на веревке, вот. Норовистая эта барышня! — ухмыльнулся он. — Не какая-то сивая баба-размазня. Я знаю, что вам нравятся бабенки с огоньком да с перчиком!

Хозяин таверны облизал пухлые губы бурым от табака языком, и его глаза, впившись в тело Ханны, горели словно подожженный сухой хворост.

Квинт фыркнул, протянул руку и ухватился за остатки лифа на платье Ханны. Ткань легко подалась, обнажив твердые юные груди девушки.

— Прямо как молоденькие дыньки, — проговорил он, глядя и впиваясь в них пальцами, отчего соски сразу затвердели. — Думаете, она вам подойдет?

Амос Стритч с лицом, сделавшимся почти пунцовым, сглотнул и кивнул, не в силах одолеть комок в горле. «Клянусь святым Георгием, вот это скоро-спелка, а ведь ей всего шестнадцать!» — подумал он. Внезапно Стритч впился острым испытующим взглядом в Квинта, все еще тискавшего грудь Ханны.

Ханна, онемев от стыда и потрясения, пыталась совладать с дрожащими губами и не дать себе расплакаться. Она не доставит им удовольствия видеть ее слезы. Но настанет ли когда-нибудь конец этим мучениям? Неужели унижения, жгучая злоба и холодное отчаяние — ее спутники до конца дней? Она пыталась своими мыслями защититься от навязчивых прикосновений отчима.

Однако Квинт, верно прочтя мысли Амоса Стритча, быстро убрал руку и отступил на шаг назад.

— Ну-ну, не бойтесь, она ваша, как и договаривались.

Стритч откашлялся.

— Ты клялся, что она девственница. Однако
8 обращаешься с ней прямо-таки бесцеремонно...

Бракованный товар мне не нужен. Скажи-ка мне честно, Квинт, девушка нетронута?

Квинт наклонил голову, его лицо приняло подобострастное выражение.

— Клянусь, что так. Стал бы я вам врать, сэр, после всего, что вы для меня сделали? Нет, я ее не касался, хотя частенько ох как хотелось. Еле сдерживался. Вы сами увидите, сэр, какая она аппетитная девка.

Ханна, хотевшая лишь одного — чтобы все поскорее закончилось, едва прислушивалась к их разговору.

Стритч фыркнул, ненадолго успокоившись. Он не очень-то верил Квинту, зная, что перед ним лжец, пьяница и негодяй. Скоро он узнает всю правду. Стритч скривился от боли, переступив ногами и перенеся вес тела на подагрическую ступню и произнес:

— Тогда по рукам. — Затем Стритч кивнул головой. — Шагай наверх по лестнице, девка. К себе в комнату. Нам с твоим отчимом надо о деле поговорить.

Квинт снял веревку с шеи Ханны, потом развязал ей руки.

Чуть пошатываясь, Ханна послушно пошла наверх, потирая затекшие запястья. Вцепившись в узкие перила, она начала подниматься по узким ступеням винтовой лестницы. Стритч захромал вслед за ней и положил руку ей на бедро. Ханна рванулась вперед, и Стритч рассмеялся смехом, похожим на поросычий визг.

На втором этаже он тычками погнал ее по коридору.

— Не сюда — здесь у меня постояльцы спят. Вверх по лестнице.

Ханна, собрав последние силы, начала карабкаться по лестнице, представлявшей собой прибитые к стене деревянные полоски. Она услышала за спиной похотливый смех Стритча и с опозданием поняла, что он заглядывает ей под юбки. Но она слишком устала и вымоталась, чтобы злиться.
9

Как только Ханна поднялась выше и протиснулась через люк в потолке, дверь-ловушка мгновенно захлопнулась за ней, и засов задвинулся до упора.

Комнатка, в которую она попала, была маленькой, не больше лошадиного стойла. Из-за крутого ската крыши встать во весь рост можно было только у внутренней стены. Там было душно, не хватало воздуха, который проникал лишь сквозь щели между толстыми досками внешней стены. Немного света пробивалось через маленькое оконце в скате крыши. Окно было очень грязным, и Ханна не увидела, как можно было бы его открыть. Она присела рядом с ним, смахнула грязь, насколько это было возможно, и выглянула наружу. Ее глазам предстали лишь полоска синего неба и крыши соседних домов.

Сгорбившись, Ханна оглядела комнату. Вся обстановка состояла из пустого сундука с поднятой крышкой в дальнем углу, тюфяка на полу и ночного горшка. Постельное белье было очень грязным и кишело, судя по всему, клопами. А на грубом дощатом полу было не меньше трех сантиметров грязи.

Ханна опасливо присела на тюфяк. Здесь, конечно, было не многим хуже, чем там, где она жила. Вот только они с матерью старались поддерживать в доме хоть какую-то чистоту.

Мама, бедная, вымотанная работой мама... Родного отца Ханна едва помнила, хотя на момент его смерти ей уже исполнилось восемь лет. Каждый раз, когда она думала о нем, ей представлялись кровь и жуткая смерть, и перед ее внутренним взором, казалось, захлопывались ставни.

Ее мать вышла за Сайласа Квинта вскоре после смерти отца. С тех пор они не знали ничего, кроме горя и лишений. Помимо ведения дома и ухода за Ханной ее мать бралась за любую работу, которая находилась в домах богатых горожан. Почти все зарабо-

танные деньги у нее отбирал Квинт. Мать могла лишь припрятать несколько монет, чтобы купить Ханне чего-нибудь поесть и изредка прикупить ей кое-что из одежды. Иногда Квинт находил припасенные ею монеты, избивал ее до потери сознания, а потом спускал деньги на выпивку и карты.

В их доме была всего одна спальня. Ханна спала в кухне на тюфяке. Единственным преимуществом в этом обстоятельстве было то, что в кухне было теплее, чем где-либо в доме. От комнаты, где спали мать с отчимом, ее отделяла пара метров. Сквозь широкие щели в стене можно было подглядывать. Ханна этим не занималась, но слышала каждое произносимое за стеной слово. Она слышала, как они совокуплялись, слышала, как он хлестал мать по щекам, когда та отказывала Квинту в том, что он называл супружеским долгом. Она почти каждую ночь слышала их ссоры, а потом пьяный храп Квинта и душераздирающие всхлипывания матери.

И однажды, подслушав очередной такой ночной разговор, Ханна узнала о предложении Квинта отдать падчерицу в услужение хозяину таверны Амосу Стритчу.

— И слышать об этом не желаю, мистер Квинт, — заявила ее мать. — Она моя дочь! И превратить ее почти в чернокожую рабыню?!

— Может, она и твоя дочь, женщина, но для меня она — лишний рот. Времена нынче тяжелые. Я надрываюсь на работе, и все мало. По мне, так ты должна радоваться. Там ее будут кормить, дадут кров, будут одевать. Это только пока ей не исполнится двадцать один год. К тому времени найдется молодой жеребчик, который захочет на ней жениться. — В голосе Квинта слышались льстивые нотки, совершенно не свойственные ему в разговорах с женой.